

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Н. Кривокапич, магистр, помощник преподавателя философского факультета Черногорского университета, г. Никшич (Черногория)*

ДЕМОКРАТИЯ, ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ТРАНЗИЦИЯ

N. Krivokapich

DEMOCRACY, DEMOCRATIZATION AND TRANSITION

В данной работе рассматриваются процессы демократии, демократизации и транзисии как феномены, обозначившие мировую политическую сцену XX и XXI вв. Особое внимание уделяется критике демократии и возможности ее применения в отдельных современных обществах.

Ключевые слова: демократия, демократизация, транзисия, представительная демократия.

This paper explores the processes of democracy, democratization and transition as the phenomena that characterize world's political scene of the XX and XXI century. Special attention is given to criticism of democracy and the possibilities of its implementation in some modern societies.

Key words: democracy, democratization, transition, representative democracy.

Изучение феномена демократии показывает, что демократия это не только состояние, но и постоянный процесс, в ходе развития которого она меняется, и может переживать как прогресс, так и регресс. Процесс, обеспечивающий демократии прогресс, т.е. процесс, которым она вводится в определенное сообщество или осуществляется в нем, в науке обозначен как демократизация. Если мы рассматриваем демократию как народовластие, то ее суть можно реализовать только институционализацией власти этого народа, точнее — его большинства, что подразумевает реализацию прав и свобод каждого гражданина, как в отношении управления общественной и политической жизнью общества, в котором он живет, так и управления своей частной жизнью. Следовательно, демократизация была бы, считает Кристиан Вельцель, “процессом, посредством которого это достигается”¹.

* **Кривокапич Наташа** (Nataša Krivokapić), e-mail: natashak@t-com.me

¹ Welzel C. Theories of democratization // Welzel C. Democratization / Ed. by Haerpfer. Oxford, 2009. P. 74–90.

Разные авторы дают различные определения процессу демократизации. Определение часто зависит от того, как сам автор определяет понятие демократии, точнее, какие характеристики демократии преобладают в его определении. Так и Чарльз Тилли понимает процесс демократизации в соответствии со своим определением демократии: “Демократизация означает взаимосвязанное движение к более всесторонней, более равноправной и в большей мере обязательной консультативности”². Как процесс, который весьма динамичен и длится уже с 1850 г., демократизация, по его мнению, никогда не может быть полной³.

Ей всегда угрожает риск отмены, т.е. дедемократизации, которая означает процесс, полностью противоположный демократизации.

Являясь сообществом демократической направленности, Евросоюз выступает за то, чтобы как теоретически, так и эмпирически с помощью четких показателей изучать и объяснять все элементы, необходимые для установления и поддержания демократии в обществе. К этой цели стремятся и всемирные организации, такие как, например Межпарламентский союз⁴, который в одном из своих исследований, посвященных демократии, рассматривает феномен демократизации как процесс, состоящий из ряда элементов развития, характерных для менее развитых обществ, приоритетом которых является экономическое развитие и демократия. Демократизация благодаря системе необходимых институтов и механизмов ведет такие общества к формированию более открытого, менее авторитарного общества с более широким кругом участников, представляя «“переходную фазу” власти от недемократической к различным новым формам разделения власти, управления и общественной ответственности в новых режимах»⁵.

В результате анализа толкований процесса демократизации можно выделить несколько различных видений данного явления. Вельцель, в частности, указывает на три определения демократизации, которые могут, по сути, рассматриваться и как три ее аспекта.

² Tilly C. Democracy. N.Y.; Cambridge, 2007. P. 14.

³ Ч. Тилли в своей книге “Democracy” 2007 г. дает грубую хронологию демократизации в разных странах мира. Итак, по Ч. Тилли, в 1850–1899 гг. демократизация проходила в Западной Европе и Латинской Америке, в 1900–1959 — в Западной Европе, Америке, Австралии, Новой Зеландии и Японии, в 1950–1979 гг. — в Южной Европе, Латинской Америке, при ряде режимов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в Египете, Марокко и Замбии, в 1979–2005 — в Латинской Америке, Восточной Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и десятке африканских стран.

⁴ Interparliamentary Union. Democracy its principles and achievement. Geneva, 1998.

⁵ Bassiouni C. Toward universal declaration on the basic principles of democracy: from principles to realization // Interparliamentary Union... P. 1–21.

В первом определении демократизация понимается как внедрение демократии в недемократические режимы, во втором — как углубление качеств демократии в существующих демократиях, а в третьем — как выживание демократии. Указанные определения могут на самом деле рассматриваться как различные уровни демократии в стране, начиная с ее появления, продолжая упрочением и, наконец, завершая борьбой за сохранение уже установленного демократического строя. Аналогичное мнение разделяет и Сэмюэль Хантингтон, считающий, что в процессе демократизации “заканчивается недемократический режим, провозглашается демократический, а затем закрепляется демократическая система”⁶.

Процесс демократизации вообще понимается как непрерывный переход или переход от одного к другому уровню или аспекту демократии. Когда речь идет о волнах демократизации, Хантингтон понимает их собственно как процессы транзиции, которые переводят недемократические режимы в демократические⁷. Все три волны демократизации были обусловлены различными факторами. Что касается третьей волны демократизации, начавшейся в 1974 г. и продолжающейся до настоящего времени, то оказывается, что в ее создании большую роль играли и внешние, и внутренние факторы. Принимая во внимание предшествующие военные, экономические и другие характеристики новых демократических стран, к наиболее важным факторам, которые с различной интенсивностью влияли на изменение общественной системы, следует отнести уровень экономического развития, внешние факторы, точнее влияние правительств и институтов за пределами страны, эффект домино или эффект демонстрации, с помощью которого успешность демократизации в одной стране способствует демократизации в других странах. В дополнение к этим факторам, внутренние процессы в стране, касающиеся взаимоотношений между правящими или оппозиционными группами, оказываются, как замечает Хантингтон, важным двигателем демократизации в современную эпоху. Вид отношений между правительством и оппозицией, существующий в процессе перехода той или иной недемократической страны к демократическому режиму, обуславливает определенный тип переходного процесса. Хантингтон выделяет три таких про-

⁶ *Hanington S.P.* Treći talas. Podgorica, 2004. С. 15.

⁷ Хантингтон в указанной выше работе говорит о трех волнах демократизации и двух реверсивных волнах. Схема волн и реверсии следующая: первая волна демократизации — 1828–1926 гг., первая реверсивная волна — 1922–1942 гг., вторая волна демократизации — 1943–1962 гг., вторая реверсивная волна — 1958–1975 гг., третья волна демократизации началась в 1974 г. и продолжается до сего дня.

цесса: трансформацию, смену и переговоры. “Трансформация [...] возникает, когда правящие элиты лидируют в создании демократии”⁸. В таком случае элита, т.е. действующая власть, представляет собой более сильную политическую группировку, которая инициирует и реализует изменение авторитарного режима в демократический. В отличие от трансформации смена — это такой вид перехода к демократии, в котором ключевую роль играют силы оппозиции, которые в этом случае в политическом смысле сильнее находящиеся у власти. Оппозиция осуществляет смену режима, свержает действующую власть, которая противится изменению системы, и устанавливает демократию. Транзиция путем переговоров подразумевает демократизацию страны, которая осуществляется благодаря переговорам между правительством и оппозицией.

Опыт показывает, однако, что очень трудно говорить о полной демократической транзиции. Примеры отдельных стран показывают, что транзиция может длиться очень долго, и что несмотря на многие системные изменения эти страны тем не менее не могут считаться полноценными демократиями. Одним из заблуждений таких систем является убеждение, что либерализация в отдельных сферах общественной и политической жизни, например в сфере медиа, политических свобод и т.д., является достаточной для установления демократии. Хотя либерализация необходима в демократическом обществе, ее следует отличать от процесса демократизации как более масштабного. Демократизация предполагает политическую конкуренцию и право на участие, или “открытую конкурентную борьбу за власть, что, в свою очередь, означает свободные и справедливые выборы”⁹, а также консенсус между политическими деятелями относительно демократических институтов для создания демократического режима. Эти требования к демократизации являются неперенными условиями полной транзиции, которая заканчивается “когда достигается достаточный уровень согласия по поводу политических действий с целью избрания определенного правительства, когда правительство приходит к власти непосредственно на основании свободных и честных выборов, когда такое правительство имеет реальную власть, чтобы начать проводить новую политику, и когда исполнительная, законодательная и судебная власть, созданные новой демократией, не должны делить власть с другими органами”¹⁰.

⁸ Huntington S.P. Op. cit. С. 95.

⁹ Linc H., Stepan A. Demokratska tranzicija i konsolidacija. Beograd, 1998. С. 16.

¹⁰ Ibid. С. 15.

Критика демократии

Политические события XX и XXI вв. выявили превосходство демократических и либеральных идей по сравнению с остальными политическими и организационными решениями. Демократия оказалась системой, не имеющей альтернативы, системой, которая обеспечивает государствам стабильность и упорядоченность, системой с четкими правилами, гарантирующей уважение и безопасность всем гражданам в равной мере. Преобладание этого вида устройства в мировом масштабе подтверждает оправданность многовековой веры в демократию как хорошую модель общества, к которому человечество возвращается в третий раз. Более двух тысячелетий демократия выживает как один из наиболее желательных социальных проектов, реализация которого связана с обществами процветания, порядка, мира, терпимости. Тем не менее, хотя демократия является преобладающей концепцией современного общества, в кругах теоретиков к ней относятся недоверчиво, выражая сомнения в эффективности ее идейных решений, правильности ее принципов. В реальности, если обратиться к истории, демократия постоянно подвергалась критике и отвергалась даже у своих истоков, в Древней Греции и Риме, когда Аристотель оценивал ее как худшую форму правления. Многие критики демократии не были полностью уверены в ее ценности и не верили в устойчивость такой системы, указывая на множество недостатков и проблем концепции демократии.

Недостаток, который чаще всего связывают с самим понятием демократии, и который, несомненно, чаще всего упоминается, заключается в отсутствии четкого определения того, кто есть народ. Не только в греческих полисах, где рабы не считались гражданами, но и в первых демократических странах новой эры демократия вначале не распространялась на определенные группы людей, например на женщин, негров, аборигенов и т.д. Исключение этих групп оправдывалось формулировкой, что “к демосу относится каждый, кто *допущен* к участию в структуре власти”¹¹. В демократических странах XXI в. этот недостаток исправлен, кое-где — не слишком давно, как, например, в Швейцарии, где женщины только в 1971 г. получили право голоса.

Демократия содержит в себе и определенные противоречия, а одно из них вытекает из фундаментальных характеристик демократии. Речь идет о равенстве. В условиях демократии все граждане равны и имеют равные права. Однако практика показывает, что

¹¹ *Dal R. Demokratija i njeni krtitičari. Podgorica, 1999. C. 60.*

абсолютное соблюдение этого принципа невозможно и что бывают ситуации, в которых демократия не обеспечивает равноправия. К примеру, в процессе принятия решений большинство и меньшинство не рассматриваются равноправно. Демократия всем обеспечивает право голоса, однако, большинство, обладающее эффективной властью, при голосовании за то или иное решение, всегда одержит победу над меньшинством. Тем самым большинство навязывает свою волю тем, кто является меньшинством. “То, что выглядит как эгалитаризм, на практике, в конце концов, приводит к диктатуре”¹². Равные возможности при голосовании приводят к неравенству результатов и господству одной воли над другой, что считается тиранией большинства. Демократия защищается от тирании большинства правовой системой, но она, как считает Харисон, в то же время ставит под сомнение главный принцип, заложенный в основу демократии, а именно принятие решений большинством, что ограничивает демократию как таковую. По Фрэнку Канингаму, большинство, таким образом, располагает неограниченной властью. “Большинство освобождается от обвинений в тирании только в случаях, когда вытеснение меньшинства является очевидно оправданным”¹³, когда большинство охраняет закон, т.е. когда в качестве меньшинства фигурируют мошенники, правонарушители, убийцы и т.п.

С точки зрения Аренда Лейпхарта, принятие решений большинством, на котором основана демократия, может в свою очередь привести к диктатуре большинства и раздорам среди граждан. Это особенно касается неоднородных и плюралистических обществ, в которых интересы меньшинств существенно различаются. В таких обществах власть большинства не является демократической, “поскольку меньшинствам постоянно отказывают в доступе к власти; они могут почувствовать себя обойденными и дискриминированными и перестать быть лояльными режиму”¹⁴. Поэтому Лейпхарт выступает за более подходящую и справедливую модель принятия решений, а именно модель консенсуса с участием всех групп, которая максимизирует размер правящей группы путем пропорционального представительства меньшинств.

Невозможность достижения идеальной, истинно всенародной демократии привела в современную эпоху к созданию модели, адаптированной к современным социальным условиям, модели представительной демократии. Эта модель делает возможным ак-

¹² *Harison R. Demokratija. Beograd, 2004. С. 225–226.*

¹³ *Kaningam F. Teorije demokratije. Beograd, 2003. С. 28.*

¹⁴ *Lajphart A. Modeli demokratije. Podgorica, 2003. С. 96.*

тивное участие всех граждан во власти путем различных механизмов. Благодаря активному участию граждан большую легитимность приобретают власть и ее решения. Тем не менее, на практике снова имеет место расхождение с формальными требованиями демократической системы. На практике граждане недостаточно включены в деятельность местного или национального уровня. Форумы и публичные обсуждения, объединения граждан, неправительственные организации указывают на апатичность большинства граждан, участие которых во власти сводится только к участию в выборах. Таким образом, невозможно установить полный контроль над деятельностью политических партий и законодательных органов.

В то же время, говоря о слабости демократии, теоретики постоянно возвращаются к вопросу о компетентности самих граждан, точнее, их недостаточной осведомленности в общественно-политических событиях, и иррациональности в тех немногих ситуациях, когда они могут повлиять на принятие решений. Предполагается, что более информированный гражданин может внести бóльший вклад в успех демократии, тогда как неосведомленные граждане препятствуют демократии и обеспечивают благоприятные условия для доминирования правящей элиты. Но что значит — быть информированным гражданином? Защитники демократии считают, что у каждого гражданина есть достаточно возможностей для осуществления политической власти, но трудно утверждать, что в условиях сложности современного общества и сами руководители государств или правительств полностью в курсе всех событий в стране. По их мнению, как указывает Брюс Гилли¹⁵, граждане в значительной мере представляют себе, что происходит в их среде и по соседству, опираются на мнения экспертов и политических лидеров в отдельных областях, получая, тем самым, достаточно информации, чтобы предложить ту или иную идею, решение или делегировать представителя, хотя они в действительности не слишком хорошо знают конституцию и законы своего государства.

Замечания в адрес действующих демократий, тем более представительного вида демократии, часто касаются эффективности, точнее неэффективности работы демократических правительств. Критике подвергаются результаты, которых добилось то или иное правительство в сравнении с намеченными целями, т.е. нередко избранные представители правительства не выполняют обещаний, которые они дали гражданам во время предвыборной кампании, и

¹⁵ *Gilley B. Is democracy possible // Journal of Democracy. 2009. Jan. Vol. 20. N 1. P. 113–127.*

то, что они мало занимаются проблемами граждан за исключением периода предвыборных кампаний. Утверждение, что правительство “неэффективно, когда оно не принимает или не может предпринять соответствующих мер, чтобы выполнить задачи общества, которым оно управляет”¹⁶, ставит под сомнение саму суть демократии и возможность достижения ее основных целей, а именно ее устойчивость. “Правительство, которое не правит *на благо* народа, не должно быть правительством народа”¹⁷.

Возникает вопрос, кто же тогда правит в условиях демократии? Может быть это большинство, представители которого пришли к власти после выборов или же это правящее меньшинство, которое захватило власть, или же и те, и другие? Для Клода Лефора¹⁸ демократия немногим отличается от тоталитаризма, так как скрывает доминирование одного класса и эксплуатацию другого. Власть находится не в руках народа, а в руках избранных представителей, которые на самом деле демагоги, готовые применить авторитарные меры во имя демократии. По мнению Канингама, теория демократии должна была бы больше заниматься повышением эффективности условий выборов в целях более эффективного правления, так как эмпирические сведения показывают, что во многих демократических странах есть люди, исключенные из политической жизни на основании принадлежности к полу, классу и т.д., что в их правительствах “преобладают мужчины среднего возраста, представители среднего и высшего классов, господствующей расы, защищающие свои собственные интересы, исключая другие группы”¹⁹. Тезис, что демократические правительства все меньше учитывают интересы большинства, поддерживает и Роберт Рейх, который также ссылается на результаты эмпирических исследований, показывающих, что американцы все больше теряют доверие к демократии, потому что понимают, что демократические правительства управляют государством в соответствии со своими собственными интересами. По его мнению, все большая потеря доверия связана с развитием суперкапитализма, который повышает роль денег, особенно поступающих от крупных компаний. Триумф крупного капитала и экономики привел к более интенсивной конкурентной борьбе крупных фирм за потребителей и инвесторов. “Это соперничество перенесено в сферу политики, так как корпорации стремятся завоевать первенство в конкурентной борьбе, используя пуб-

¹⁶ *Kaninam F. Teorije demokratije. Beograd, 2003. С. 40.*

¹⁷ *Gilley B. Op. cit. P. 113–127.*

¹⁸ *Lefor K. Izumevanje demokratije. Filip Višnjić. Beograd, 2003.*

¹⁹ *Kaninam F. Teorije demokratije. Filip Višnjić. Beograd, 2003. С. 46.*

личную политику”²⁰. Так, крупный капитал проник в политику, чтобы завоевать “симпатии” избранных представителей, конгресса, судов, прессы и т.д. в целях реализации своих экономических интересов. Крупные корпорации поэтому выступают за успех той политики, которая может обеспечить им за это лучшее место на рынке и преимущество над соперниками.

Критика демократии часто относится и к снижению культурного уровня в результате правления большинства, которое невежественно и недостаточно образовано, а также к утрате коллективных ценностей, т.е. потере смысла самого сообщества в результате развития индивидуализма и либералистской глорификации индивида и т.д. Критика демократии может быть сведена по существу к двум группам проблем демократии, считает Гилли, ссылаясь на разделение, выполненное Дэйвидом Спицем²¹, — проблемы желательности и проблемы устойчивости демократии. Снижение желательности основано на личной неудовлетворенности граждан достигнутыми демократическими результатами, при этом правые критикуют упадок нравов и захват имущества, а левые — репрессии в отношении женщин, нищету, т.е. уровень защиты чьего-то частного имущества. Для Гилли этот вид критики основан на реальности, но все же в нынешних демократиях указанные недостатки находятся в рамках “допустимых” границ, в отличие от недостатков, относящихся к устойчивости демократии. Речь идет о том, что критики устойчивости демократии считают, что демократия не может сохранить свой идеал, на основании которого граждане в политическом смысле равноправны и могут общими силами осуществлять контроль над политическим влиянием. Они исходят из того, что демократия основана на большом обмане и обещаниях, которые невыполнимы. Правые критики указывают при этом на неготовность и неспособность граждан взять на себя тяжкое бремя самоуправления и превратить свои личные интересы в публичную политику, тогда как левые сосредоточили свое внимание на различиях в использовании власти и ресурсов, которые идут на пользу элите и ее интересам²².

Критика демократии как явления и политико-экономической концепции ведется для того, чтобы указать на многие слабости демократии как идеи и реализации. Любая форма организации общества, а, следовательно, и демократия имеет определенные отрицательные свойства, сталкивается с проблемами в применении,

²⁰ Reich R. Supercapitalism. N.Y.; Toronto, 2007. P. 131.

²¹ Гилли использует здесь работу: Spitz D. Patterns of anti-democratic thought. N.Y., 1949.

²² В работе 1949 г. Спиц приводит таблицу, в которой представляет критику демократии:

стремясь исправить их по ходу дела. Критика демократии, как и другая критика, включает в себя положительное измерение, так как благодаря ей становятся заметны все недостатки, которые необходимо откорректировать, а также проблемы, которые следует решить. Несмотря на свою многовековую концепцию, демократия в современном обществе проявляет исключительную устойчивость и в изменившихся общественных условиях, что является по-лем, на котором могут проявиться ее отдельные характеристики, до сих пор недостаточно выявленные, и могут стать более заметными ее, быть может, менее различимые сложности, что открывает возможности для более всестороннего изучения и постижения ее сущности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bassiouni C. Toward universal declaration on the basic principles of democracy: from principles to realization // Interparliamentary Union. Democracy Its Principles and Achievement. Geneva, 1998. P. 1–21.

Dal R. Demokratija i njeni kritičari. Podgorica, 1999.

Gilley B. Is democracy possible // Journal of Democracy. 2009. Jan. Vol. 20. N 1. P. 113–127.

Huntington S.P. Treći talas. Podgorica, 2004.

Harison R. Demokratija. Beograd, 2004.

Interparliamentary Union. Democracy: its principles and achievement. Geneva, 1998.

Kaninam F. Teorije demokratije. Beograd, 2003.

Lajphart A. Modeli demokratije. Podgorica, 2003.

Lefor K. Izumevanje demokratije. Beograd, 2003.

Linc H., Stepan A. Demokratska tranzicija i konsolidacija. Beograd, 1998.

Reich R. Supercapitalism. N.Y.; Toronto, 2007.

Tilly C. Democracy. N.Y.; Cambridge, 2007.

Welzel C. Theories of democratization // Welzel C. Democratization / Ed. by Haerpfer. Oxford, 2009. P. 74–90.

	Демократия несостоятельна из-за...	Демократия нежелательна , поскольку порождает...	Поэтому ее следует заменить...
Левые критики утверждают	Пропаганды, различий во власти, социальной изоляции, контроля повестки дня	Репрессии, неравенство, вестернизацию	Властью массовых партий, властью рабочих, непосредственной властью граждан
Правые критики утверждают	Ограниченности граждан, незнания гражданами общих проблем	Нестабильность, власть масс, неэффективность	Рынком, экспертами (контролерами), свободными объединениями, пропорциональными выборами